
Сергей МНАЦАКАНЯН

СНЫ ПРИЗРАКА

Я преломляюсь в старых призмах
и в паутине амальгам,
давно не человек, но призрак
старинных радостей и драм...

Я — эхо из другого века,
из нескончаемых веков,
что помнят вместо человека
тупое звяканье оков...

Здесь остается только гений
и тени призрачных судеб,
я помню сонмы сновидений,
где каждый странен и нелеп...

И в страшных снах, среди туманов,
своей судьбой подбитый влет —
похмельный Ленечка Губанов
портвейн невыносимый пьет.

ЗВЕРИНЕЦ ХЛЕБНИКОВА

К 131-летию со дня рождения поэта (1885 — далее всегда...)

О, Ад! Ад! —

Зверинец снов,

Где из божественной кофейни «Бродячая собака» в подпитии выходит Полутора-
глазый Стрелец и поднимает фламандский арбалет Птицелова, из которого
выпускает стрелу в неведомое будущее

Сергей Мигранович Мнацаканян — поэт, член Союза писателей СССР с 1974 года, автор многих книг стихов, эссеистики и пяти книг острой и элегантной прозы, изданной под псевдонимом Сергей Муравин. Первая книга поэта вышла в 1969 году. Получили популярность книги его стихотворений «Высокогорье» (1981) «Угол зренья» (1986), «Зимняя философия» (2004), «Русский палимпсест» (2005), «Дагерротипы» (2014), «Незримые сети» (2015) и другие. Последние годы пишет мемуары, которые объединил в книге портретов своих литературных собратьев «Ретроман, или Роман-Ретро: Мемуары поэта». За эту книгу удостоен звания лауреата Национальной премии «Лучшая книга года-2011» в жанре мемуарной прозы. В 2013 году стал лауреатом Премии Правительства России в области культуры. В 2014 году ограниченным тиражом в свет вышло документально-художественное исследование Сергея Мнацаканяна «Великий Валун, или Скорбная жизнь Валентина Петровича Катаева. Роман-цитата», посвященное одному из русских советских гениев XX века. В 2019 году вышел «нелинейный роман» поэта — «Рваное время. Антилитература». Книги поэта изданы общим тиражом свыше четверти миллиона экземпляров. Живет в Москве.

Где в черном открытом «роллс-ройсе» с полукруглыми крыльями над скрипучими шинами по Марьиной Роще пролетает кремлевский эскорт Ленина,
он несется в никуда,

Где, как написал близкий знакомец Велимира расстрелянный поэт Николай Клюев, *«не будет песен про молот, про невидящий маховик, над Сахарою смугло-золот просвищет России лик...»* —

и просвистел...

Где Марина Цветаева вот уже три четверти века бьется в петле над половицами деревенского дома в Елабуге

Где поэты первой русской эмиграции, прописанной в Праге и Париже, сводят концы с концами, но не в силах свести воедино разорванные судьбы и времена

Где выходит на берег Катюша, на высокий на берег крутой — и горизонты оза-ряются беспощадным огнем реактивных снарядов

Где в борьбе за власть несколько палачей с руками в крови по локоть расстреливают своего поделщика — Лаврентия Берия

Где Пастернак поневоле отказывается о поездки в Стокгольм на церемонию вручения Нобелевской премии, диплом которой вручат его сыну Евгению Леонидовичу через несколько десятилетий, потому что дипломы не горят — горят люди...

Где первые космонавты, подпрыгивая, ходят по Луне — и непонятно, зачем они это делают, оставляя на ковре лунной пыли след рифленого сапога

Где из-за острова на стрежень проплывают расписные Стеньки Разина челны, и мятежный атаман снова и снова бросает с борта прекрасную персиянскую княжну, и она, захлебываясь, скрывается в водах вечности, растворенных в устье Волги, которая впадает в распахнутый кратер моря Скиапарелли

Где фундаментальный фаллос памятника Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому с мясом чекистских сапог выдран из пьедестала и упокоился на задворках Дома художников в Музее — пантеоне бронзовых великих, отставших от своей эпохи

Где оборвался двадцатый век, и угнанные исламскими террористами самолеты врезаются в стоэтажные башни всемирного торгового центра в Нью-Йорке

Где навеки потеряно искусство поэзии, а рифмованная публицистика почему-то перестала волновать сердца своих нищающих почитателей

Где редкая птица долетит до середины Днепра — и в сумерках метнется обратно, почуяв запах горящей человечины над кострами майдана

Где рев моторов перекрывает звуки музыки, и по московским улицам несутся «фиаты», «нисаны», «тойоты», «рено», «фолксвагены», «опели», «пежо»,

«лексусы» и «мерседесы», «хонды», и на все это великолепное стадо один обшарпанный «жигуль» скрипит как последний укор российскому капитализму

Где элегантный БМВ хищно раздувает две ноздри, «субару» нервно дышит своим треугольным пяточком, а крупный «бентли», округлый, как женские бедра, покачивается в потоке собратьев на Новом Арбате, словно приуготовляясь к плотским радостям в элитном автосервисе

Где нельзя дышать, и твердь кишит червями, и ни одна звезда не говорит...

Где утерянная рукопись «Слова о полку Игореве», замусоленная пальцами исследователей и переводчиков с русского на русский, растеряла свои последние возможности и не сулит никаких новых, кроме уже исчерпанных

Где фартовые фраера проносятся со скоростью за двести километров в час в своих «феррари» и «альфа-ромео» с перспективой задавить насмерть что-либо двуногое с целью откупиться от следствия и суда, дабы убедиться в чудесной силе денег

Где «ягуары» с хищными мордами соперничают со скоростными «ламборджини» и сотни лошадиных сил ревут под капотами этих механических зверей, жадно пожирающих тонны бензина и тысячи километров дорог

Где во дворе писательского дома, отобедав в собственном ресторане, с пулей в груди и ликом подстреленного фазана падает оземь Дед Хасан и новые паханы делят его криминальную империю

Где великий Велимир выпускает на волю Зензивера и тот звонко крылышкует в синей траве воображения

Где в астраханских степях по пути в Персию спозарань светятся миллионы арбузов, повторяя своим рисунком карту еще не исследованных галактик

Где взрываются сверхновые звезды и по окраинам мироздания рождаются новые Вселенные, полные невысказанных тайн и неизреченных секретов

Где есть все, кроме человеческого разума и человеческих чувств — нежности, озноба, трепета и веры, — которые почему-то возникли на одной-единственной планете по имени Земля

Где со скрипом вращаются крылья ветряных мельниц, сколоченные из Досок Судьбы, они мелькают у вас перед глазами, но вы не успеваете сверить с ними свое прошлое и познать свое будущее

Где в астраханской больнице от голода и гангрены умирает Велимир Хлебников, председатель Земного Шара, коронованный Есениным и Мариенгофом, а его тазобедренные кости прорывают брENNую плоть и торчат из больного истощенного тела —

О, бедный Зензивер...

«СПАСИТЕЛЬ МИРА» (SALVATOR MUNDI), 1499

Из книги экфрайсисов¹

«Обнаженная в зеленых чулках»

*(Деревянная панель,
масло, 66 × 47 см,
«Лувр Абу-Даби»)*

*Творение Леонардо Da Vinci, самая дорогая картина
в истории человечества стоимостью около
полумиллиарда долларов бесследно пропала
из отделения Лувра в Саудовской Аравии (2019)*

Украли из Лувра «Спасителя мира»,
украли творца мирового эфира,

Спасителя стырили тайные шейхи —
и следом за ними крадутся ищейки...

Арабские принцы с ним делали селфи,
а после скрывали в спасительном сейфе.

Его продавали, его воровали,
его по пустыням везли караваны...

Когда окончательно скрылся из виду,
открылись врата и бесчестью, и СПИДу.
Давно воровства перестали стесняться,
вославив навек криминальное братство!

...Бессрочный скандалец на полмиллиарда —
когда-то затеял хитрец Леонардо...

* * *

Замыслы подернулись туманом.
Больше в жизни нё о чем тужить.
Ты уже не будешь атаманом
по степям с собратьями кружить.

Счет потерян чудесам и ранам,
и немного остается жить...
Ты уже не будешь с караваном
в шелковую Персию спешить.

¹ Экфрайсис — словесное описание произведений живописи.

Ты искать не будешь персиянку,
чтобы заглянуть в ее глаза,
и тебя не позовут на пьянку
все твои погибшие друзья...

Счет потерян чудесам и ранам,
но на это наплевать в аду:
ты — старик, сидишь перед экраном,
но не смотришь эту лабуду.

Можно жить, спеша дорогой ясной
и ничуть о прошлом не скорбя,
если рядом с женщиной прекрасной
ощущаешь юношей себя.

**К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ ВЫХОДА В СВЕТ
ВЕЛИКОЙ КНИГИ БОРИСА ПАСТЕРНАКА
«СЕСТРА МОЯ ЖИЗНЬ» (1918–2018)**

На семьдесят пятом году
нечаянной жизни, однако, —
я музыку слышу во льду,
а это стихи Пастернака...

С тех пор миновало сто лет
восторга, отчаянья, крика,
и снова на старом столе
звучит гениальная книга.

Как будто бумага поет...
Трепещут прекрасные строки,
они пробивались сквозь лед
не старой, а новой эпохи.

И сам я, по сути, не здесь,
а если серьезно, то между:
внимаю из вечности весть,
которая дарит надежду.

«Сестра моя жизнь»... Хороша
и ныне и присно — навечно,
и снова ликует душа,
что краткая жизнь бесконечна.

* * *

Я трезвый человек имперского разлива,
я не люблю вискарь и презираю пиво...

Не зря среди огней всемирного пожара
спасала от скорбей российская водяра.

И вот замкнулся круг, а если кроме шуток,
и ты попался, друг, в какой-то промежуток...

Угрюмые такси неслись куда попало,
метель всяя Руси по горло заметала

и золото Кремля, и ветхие чертоги,
где каждый ощутил, как рушатся эпохи.

В заснеженных домах горят телеэкраны...
Попробуй проживи в такой Тмутаракани!

Окраины в крови, стоят хрущобы криво,
да, тут не до любви, а разве что до пива...

Растет кривая краж, политика — на грани,
исчезли из продаж граненые стаканы.

Но ежели всерьез, плевать на все устои,
когда хрустит мороз заснеженной верстою!

Пройдемся не спеша, прикроем плотно двери,
пусть трезвая душа сочтет свои потери...

ПЕРЕВЕРНУТЫЙ СОНЕТ С ЧЕРЕПОМ

Время жизни ушло в песок,
пульс, как дятел, стучит в висок,

под ногами шуршат года,
люди странствия, города,

как в Вестминстере на экскурсии,
по могильным плитам идешь,

кто-то выжил, а кто-то скурвился,
потому пробирает дрожь...

Пульс колотит в висок уверенно,
принимая тебя за дерево,

это дерево не снаружи,
почему-то внутри растет
на песке среди лютой стужи...

Череп — словно небесный свод.

* * *

Я признаюсь, что люблю бумагу —
писчую, офсетную, верже,
я люблю бумагу за отвагу,
что дарила сердцу и душе!

Истины бумажные, как порох,
грелись в тишине библиотек,

летний дождь накатывал, как враг,
за окном синел опасный снег...

Я люблю мелованное счастье
и размах газетной полосы,
пусть бумага даже и в ненастье
не отсыревает на Руси...